

Ван Чэн: «.....»

Я, должно быть, сошёл с ума, раз подумал, будто в его сердце кто-то есть. Эх...

Линь Цюн бросил на него взгляд:

— Что это ты вздыхаешь в таком-то возрасте?

Ван Чэн на мгновение потерял дар речи, затем посмотрел на Линь Цюна, ища иной способ достучаться до него:

— Линь Цюн, у тебя огромный потенциал. Если будешь стараться, рано или поздно всё получится. Не стоит связывать смысл жизни с другим человеком.

Линь Цюн кивнул:

— Угу, я знаю.

Глаза Ван Чэна округлились:

— Ты действительно знаешь?

Линь Цюн снова кивнул.

— Тогда зачем ты женился?! — резко спросил Ван Чэн.

Линь Цюн опустил голову, густо покраснев:

— Просто... я больше не хотел стараться.

Ван Чэн: «.....»

Линь Цюн взглянул на него, моргнув с видом глубокого житейского мудреца:

— Усилия не гарантируют успеха, а сдаться — всегда просто.

Гнилое дерево не выточишь! — Ван Чэн смотрел на него с разбитым сердцем:

— Да потому что ты никогда по-настоящему и не старался! Ты хоть представляешь, сколько таких же, как ты, начинающих актёров сейчас вкалывают? Знаешь, сколько времени они проводят за кулисами ради каждой минуты на сцене?

Слова Ван Чэна звучали с пламенной убеждёностью, и Линь Цюн на мгновение растерялся:

— Шестьдесят секунд?

Ван Чэн: «.....»

Одержим деньгами до безумия...

В конце концов, Ван Чэн с горечью наблюдал, как Линь Цюн уходит в сторону коттеджного посёлка.

Когда солнце клонилось к закату, Линь Цюн возвращался домой, залитый тёплым оранжевым светом.

Подойдя к воротам, он нарочно спрятал бумажный пакет за спину — в жизни должны быть свои маленькие ритуалы.

Сначала Линь Цюн высунул пушистую голову, огляделся по сторонам, удостоверился, что Фу Синъюнь не на первом этаже, и только после этого с важным видом зашёл внутрь с пакетом.

Переодевшись у себя в комнате, он направился к двери кабинета Фу Синъюня, держа пакет в руках.

Тук-тук. Снаружи раздался звонкий голос — солнечный и радостный, как маленькое вечное солнце:

— Синъюнь, я вернулся!

В кабинете Фу Синъюнь просматривал материалы по повторному расследованию, касающемуся Линь Цюна. Услышав стук, он аккуратно убрал документы в ящик.

Открыв дверь, он увидел сияющую улыбку Линь Цюна — яркую, как подсолнечник.

Фу Синъюнь бросил на него взгляд и сразу перешёл к делу:

— Что такое?

Глаза Линь Цюна заискрились:

— Я тебе подарок принёс!

Он протянул ему бумажный пакет:

— Посмотри, понравится ли. А я пока пойду готовить ужин.

Не дождавшись ответа, он повернулся и поспешил вниз по лестнице.

Фу Синъюнь опустил взгляд на пакет в руках. Внутри лежал тёмно-красный вязаный плед ручной работы.

Пальцы на мгновение сжали ручку пакета. Он посмотрел на свои ноги, затем на молчаливый кабинет и, не сказав ни слова, бросил плед на диван, даже не взглянув на него как следует.

В мусорных вёдрах на кухне и в столовой не было коробок из-под еды — Фу Синъюнь, вероятно, пропустил обед. Линь Цюн специально приготовил ужин с запасом.

Когда Фу Синъюнь вошёл в столовую, он увидел миску с рисом, наполненную ещё выше, чем вчера. Если вчерашняя порция была холмом, то сегодняшняя — целой горой.

Фу Синъюнь: «.....»

Они сели ужинать. Спросив в начале о вкусе, Линь Цюн затем замолчал. Он сосредоточенно загребал рис в рот, как будто боялся, что его вот-вот отнимут. Привычка, вероятно, оставшаяся с прежних времён — жизни впроголодь и нерегулярных приёмов пищи.

Поев, Линь Цюн похлопал себя по белому животу и лениво развалился на стуле.

Он поднял глаза — Фу Синъюнь всё ещё ел.

Линь Цюнь наблюдал с интересом: аппетит у Фу Синъюня оказался куда внушительнее, чем он думал. Настоящий хищник — мясо ел охотно, а вот овощей почти не касался. Только те, что ему визуально нравились.

Только когда Фу Синъюнь отложил палочки, Линь Цюнь наконец спросил:

— Подарок тебе понравился?

Фу Синъюнь поднял глаза, встретился с его полным ожидания взглядом. Его тон был безразличным:

— Понравился.

Уловив в голосе отсутствие энтузиазма, Линь Цюнь прищурился:

— Кажется, ты врешь.

— Белая ложь, — спокойно ответил Фу Синъюнь.

«.....»

Линь Цюнь поджал губы, затем неуверенно спросил:

— Значит... не понравился?

Фу Синъюнь замолчал. Он не мог заставить себя произнести то, что погасило бы свет в глазах Линь Цюня. В итоге он выдавил сухое:

— Я не испытываю отвращения.

Когда он впервые открыл пакет и увидел внутри вязаный плед, был удивлён. Но слишком многое пережив — привык ожидать худшего.

А вдруг в этом пледе что-то спрятано?

А вдруг это провокация?

Но, глядя в чистые, исполненные ожидания глаза Линь Цюня, Фу Синъюнь понял — он слишком усложняет, его мысли слишком низменны.

Не отвращение — значит, нравится.

Со своей поразительной способностью к интерпретации, Линь Цюнь опустил голову и застенчиво улыбнулся. В этот момент он почувствовал, будто растит сына.

В груди вдруг разлилось тепло.

Было всего пять часов вечера — он взглянул на часы. Вероятно, такую жадность за столом можно было объяснить: один работал на улице, другой пропустил обед.

Линь Цюнь тут же решил: в девять они обязательно перекусят.

Вернувшись к себе, Фу Синъюнь заметил на диване тот самый вязаный плед. Лежал спокойно, словно ждал.

Перед глазами снова возник ожидающий взгляд Линь Цюна за ужином.

Он протянул руку, чтобы поднять плед — но в голове всплыл голос:

А что, если он притворяется?

Снова...

Фу Синъюнь глубоко вдохнул. Это недоверие пустило корни после того пожара, который сделал его инвалидом.

С тех пор он был настороже перед всем миром — неспособен доверять.

Но лучше перестраховаться. Его рука застыла в воздухе, а затем медленно опустилась. Плед так и остался лежать на своём месте.

В половине десятого Линь Цюн, как и обещал, постучал в дверь.

Фу Синъюнь убрал документы в ящик:

— Что такое?

Снаружи раздался голос Линь Цюна:

— Выходи, перекусим!

Фу Синъюнь глянул на часы. Его густые брови тут же нахмурились:

— Нет.

— Не будь таким, — настаивал Линь Цюн из коридора. — Не поешь — плохо спать будешь.

Фу Синъюнь удивлённо нахмурился.

Дверь кабинета отворилась, и в комнату заглянула пушистая голова:

— Если не перекусишь на ночь, тебя будут мучить сны о голоде.

Фу Синъюнь: «.....»

Он никогда в жизни не ел в такое время и сперва только посмеивался над ночными перекусами Линь Цюна.

Но когда они дошли до столовой, и он умял почти всё, понял — это, оказывается, приятно.

Позже той ночью, приняв душ и переодевшись в пижаму, Линь Цюн зашёл в комнату Фу Синъюня пожелать спокойной ночи, а затем повалился спать.

Он рассчитывал мгновенно провалиться в глубокий сон от усталости, но вместо этого уставился в потолок, не в силах сомкнуть глаз.

Прекрасно. Он совсем не мог заснуть.

Похоже, вся дневная суета и впрямь не шла ни в какое сравнение с тем 2000-метровым забегом, что он устроил себе несколько дней назад.

Линь Цюн катался по кровати, как завёрнутый в одеяло кот, а потом поднялся и подошёл к окну во всю стену.

Ночь сегодня была особенно красива: луна сияла ярко, ветер дул мягко, словно хотел поделиться чем-то важным.

Ночной ветер, вплетаясь в серебристый свет, шепнул ему на ухо:

— Если ты, чёрт возьми, не уснёшь, сдохнешь прямо тут.

«.....»

Линь Цюн вздрогнул. В лунном свете кукушка вспорхнула крыльями и скрылась в доме.

С тех пор как неделю назад прошла та съёмка для модельного бренда, Линь Цюн больше нигде не работал. Не потому что не хотел — просто никто не звонил.

Впрочем, всё логично: нанимать его могли только странноватые, малоизвестные бренды с деньгами, которые девать некуда.

Однажды днём Линь Цюн лежал на шезлонге у окна гостиной, где стекло было от пола до потолка. Он загорал, щурясь от солнца, напоминая ленивого персидского кота, который блаженно машет хвостом в тёплых лучах.

Через некоторое время сверху донёлся мужской голос:

— Завтра вечером банкет. Ты пойдёшь со мной.

Линь Цюн лениво приоткрыл глаза — над ним висело лицо Фу Синъюня.

Черты у мужчины были безупречные, но в перевёрнутом виде выглядели как-то странно. Линь Цюн не сдержал смех.

Его лицо, залитое солнцем, светилось озорной красотой — он улыбался ярче самого солнца.

— Хорошо, — ответил он.

На следующий вечер кто-то доставил одежду для банкета.

Линь Цюн, не отличавший костюм от смокинга, наугад выбрал один комплект и надел.

Уже в машине он не выдержал:

— А чей это банкет?

Фу Синъюнь, сидевший с закрытыми глазами, ответил буднично:

— Восемьдесят лет Старому Господину Сун из семьи Сун.

У Линь Цюна челюсть округлилась до идеальной буквы «О».

Вскоре они прибыли на место — роскошный особняк.

Линь Цюн вкатил Фу Синъюня внутрь. В зале было людно: несколько молодых людей, которых он видел на свадьбе, оказались здесь же.

У входа в главный зал они увидели толпу, собравшуюся вокруг пожилого мужчины. Было ясно — это и есть виновник торжества.

— Дедушка Сун просто в отличной форме! Ни дня больше пятидесяти!

— Харизма дедушки Суна по-прежнему ослепительна!

— Племянник дяди Суна специально привёз духовные грибы высшего сорта!

— Дедушка Сун — настоящий счастливчик!

Линь Цюн остановился неподалёку, слушая, как присутствующие увлечённо нахваливают именинника с закрытыми глазами.

Такие сцены на банкетах встречались нередко, но особенно его поразила манера обращения — все звали друг друга «дедушками», «дядями», «братьями» по фамилии, хотя никакого родства между ними не было.

Фу Синъюню, судя по виду, эти сборища тоже были не по душе — он пришёл чисто для галочки.

— Подождём немного, прежде чем подойти, — сказал Линь Цюн.

Фу Синъюнь кивнул. Когда толпа поредела, Линь Цюн медленно покатил коляску вперёд.

Но они не успели подойти, как услышали голос женщины перед стариком:

— Папа, когда ты передавал акции моему Старшему брату, ты такого не говорил! Ты же сам обещал, что я ничего не потеряю, помогая ему заткнуть дыру — а теперь посмотри, что со мной стало!

В воздухе повисла тревожная искра.

Старик Сун посмотрел на младшую дочь:

— Мы же семья. Какие могут быть «потери»? Ты помогала брату ради выгоды? Совсем не понимаешь, что такое поддержка между сиблингами? Что же будет с вами, когда я уйду?

Женщина горько скривилась:

— Папа, как ты можешь так говорить?..

Теперь Линь Цюн понял: Старик Сун явно предпочитал сыновей, сваливал на дочь их проблемы, а потом ещё и предал её ожидания.

Но это было не его дело — он промолчал.

— Всё, хватит. Не порть праздник своими жалобами, — Старик Сун отмахнулся, заметив приближающихся гостей. — Помни: потеря — к удаче.

Когда женщина удалилась, Линь Цюн подвёз Фу Синъюня ближе. Некоторое время он молчал, подбирая слова, а потом, наконец, выдавил:

— Желаю вам счастья шире Восточного моря.

<http://bllate.org/book/12640/1121096>